

Вопрос о том, дали ли колонны трещину, волновал Хэ Бугуя куда меньше первого. О том, что в исполинских столпах Города Бессмертия запечатано нечто таинственное, он слышал впервые.

В эпоху своего расцвета Цзи Сюань собрал под своим началом лучших мастеров духовного зодчества Поднебесной. В «Записках о достопримечательностях Вечности» говорилось, что он самолично чертил планы и отбирал материалы, контролируя каждый шаг. Потребовалось долгих девять лет кропотливого труда, чтобы воздвигнуть это чудо инженерной мысли — неприступную твердыню, сотворённую словно самой природой.

Даже о мрачной подземной Обители душ, за которую его столько порицали, в летописях сохранились мельчайшие подробности. Почему же о тайне, сокрытой в несущих колоннах, не было упомянуто ни единым словом?

Ведь «Записки о достопримечательностях Вечности» составлялись с личного согласия самого Цзи Сюаня и писались рукой родного деда Хэ Бугуя. Там не могло быть ошибок. Неужели столь важные сведения попросту упустили?

Хэ Бугуй погрузился в глубокое раздумье.

— И откуда ты только набралась этих слухов? — наконец спросил он.

Я Ин ответила начистоту:

— Предание о Ло известно мне с малых лет. Старейшины рассказывали его нам как сказку — вроде легенд о том, как Нюйва латала небо или как великан Куафу гнался за солнцем. Для каждого ребенка из племени демонов рыба-жуй был священным скакуном Небесного Владыки, самым первым из нашего рода, кто сумел вознестись и обрести бессмертие.

Эта легенда укоренилась в умах демонов, но, как и древние божества, ее герои оставались лишь образами из сказок. Никто и помыслить не мог, что рыба-жуй существовал на самом деле.

Кто бы мог подумать, что тысячу лет назад Цзи Сюань, рыская со своей армией марионеток по миру в поисках чудовищ, выследит Ло в бездне океана и заманит его в Байлинчуань. Рыба-жуй долго бился с ним не на жизнь, а на смерть, но в итоге пал от его руки. С тех пор сколько ни искали его останки — всё тщетно.

Вновь эти события вспомнили лишь лет пятьдесят назад. В одном из племен водных демонов объявилась ясновидящая Божественная дева. Она уверяла, будто услышала зов души Ло и явилась, чтобы повести сородичей на поиски божественных останков, воскресить великую рыбу-жуй и вернуть их народу былое величие. В те времена люди безраздельно владели сушей

с её благодатными краями и чистейшими духовными жилами. Имея столь щедрые дары природы, человеческие мастера быстро превзошли демонов в искусстве самосовершенствования. Племена демонов веками преследовали и истребляли; у них не оставалось ни клочка земли для жизни, да и само выживание давалось им с огромным трудом.

Божественная дева провозгласила великую цель — дать отпор роду людскому и возродить величие демонов. Весть о ней быстро разнеслась среди водных племен, и вскоре у нее появились толпы фанатичных последователей. Именно из её уст демоны впервые услышали, что останки рыбы-жуй замурованы в колоннах Города Бессмертия. Они поверили ей безоговорочно и поклялись служить не щадя жизней, уповая на то, что когда-нибудь великое дело свершится и их племя сможет встать вровень с людьми.

— Но ведь героя древних мифов никто никогда не видел вживую, — покачал головой Юй Уцюэ.
— Стоило этой девице выдумать красивую сказку, как водные демоны сразу же ей поверили. Не слишком ли они наивны?

Я Ин покачала головой:

— Божественная дева владеет великими силами. Ей действительно удалось призвать дух Ло. Не соверши она этого чуда, разве пошли бы за ней тысячи водных кланов?

Ло почитали как божество за его уникальный дар — способность создавать чистейшую пресную воду буквально из ничего. Стихия беспрекословно повиновалась ему, струясь по его велению. Неудивительно, что водные демоны берегли память о нем пуще собственной жизни.

И пусть явившийся призрак рыбы-жуй просуществовал лишь краткий миг, он успел показать власть над стихией, способную сокрушать горы и обращать вспять моря. Стоило ему шевельнуть пальцем, как волны и течения закружились в послушном танце. Он одарил один из кланов неиссякаемым источником, который бьет из-под земли и по сей день. Те демоны до сих пор считают родник священным даром и молятся на него ежедневно.

А за год до того, как в городе объявился Юй Уцюэ, та исполинская волна, что обрушилась на крепостные стены, была поднята совместными усилиями Божественной девы и духа рыбы-жуй. Хотя ворота тогда выдержали удар, в город всё же просочились мстительные призраки. И именно в тот день на могучих городских колоннах пролегли первые трещины.

— С тех самых пор, — добавила Я Ин, — поползли слухи, что древнее божество вот-вот вернется к жизни.

Способность демонического ядра водного божества Тяньу восстанавливать мертвую плоть не была секретом среди обитателей глубин. Нет ничего удивительного в том, что Божественная дева прознала об этом. Ради воскрешения рыбы-жуй ей требовалось отыскать Тяньу и забрать его ядро. Поскольку реликвия хранилась во Дворце Небесного Предела, её союз с Лин Сы выглядел вполне закономерным. Сыграв на его отцовских чувствах и пообещав спасти дочь, она втянула его в этот заговор, чтобы его руками проникнуть в обитель ордена.

Но Хэ Бугуй сомневался, что единственная цель Божественной девы — возрождение водных демонов.

Раз уж ниточки тянулись к Городу Бессмертия, приходилось смотреть глубже. Откуда вообще взялась эта особа? Как она узнала о тайне, сокрытой в несущих колоннах? К тому же она искусно владела магией душ и с первого взгляда распознала ключ в теле Юй Уцюэ. Эта женщина либо принадлежала к числу приближенных Цзи Сюаня, либо была тесно связана с ним. Затея с воскрешением рыбы-жуй явно служила лишь ширмой для чего-то более грандиозного.

Прошлые этой безродной чужачки следовало выяснить во что бы то ни стало.

— Тебе известно, где сейчас эта Божественная дева? — спросил Хэ Бугуй.

— В пучинах Восточного моря, — ответила Я Ин. — Но сейчас начался период полугодовой изоляции вод. Без дозволения водных демонов туда не пробраться — тайных троп не найти, даже если ты обладаешь могуществом великого мастера.

— Полгода... — Хэ Бугуй помрачнел.

Юй Уцюэ понимающе кивнул:

— К тому времени ловить уже будет нечего.

Ядро Тяньу уже у нее в руках, а ведь оно — главный ключ к воскрешению. Если ждать, пока море откроется вновь, рыба-жуй уже успеет оседлать волны и явиться в этот мир во главе своих бесчисленных водных отпрысков.

Заметив, что Бессмертный Тайвэй погрузился в долгое молчание, Я Ин осторожно предложила:

— Лин Сы сейчас петляет и прячется лишь для того, чтобы улучшить момент, ускользнуть в морские глубины и встретиться с Божественной девой. Если Бессмертный Тайвэй желает во всем разобраться, я готова помочь.

— Каким образом? — заинтересовался Хэ Бугуй.

— Отправляйтесь на Архипелаг Разбитой Луны. Ровно через два месяца там возникнет мощное глубинное течение. Доверившись этому потоку, можно из Западного моря напрямую попасть в Восточное, минуя любые магические преграды. Я вручу Бессмертному особую вещь. С этим знаком даже стражи морских рубежей беспрепятственно вас пропустят.

Чтобы доказать чистоту своих намерений, Я Ин тут же достала заветную вещь. Это был простой белоснежный платок, на котором красовалась вышитая веточка цветущей в морозы сливы. Внутри платка оказались связанные узелком две пряди волос и чешуйка, отливающая глубоким изумрудным блеском.

Хэ Бугуй бережно принял платок. Вещь явно не принадлежала пернатым демонам, а вышитый узор изображал именно сливу, стойко расцветшую под зимними ветрами. История о подлеце, бросившем жену и дитя, врезалась в память своей низостью. Если Хэ Бугуй не ошибался, этот предмет был залогом любви между Цзян Сюэмэй и Лин Сы.

— Чего ты хочешь от меня взамен? — спросил он напрямик.

— Я не смею ничего требовать от Бессмертного, — с грустной улыбкой произнесла Я Ин, устремив тоскливый взгляд на изумрудную чешуйку. — Единственное, о чем я прошу — когда вы отыщете Лин Сы, отдайте его на суд Зала Яростных Ласточек. Ради всех невинно загубленных сородичей и ради моей несчастной сестры... Я лишь хочу, чтобы их души наконец обрели покой. У истории о том, как Лин Сы спасал свою дочь, есть и другая сторона. Когда вы ее выслушаете, то всё поймете.

Снегопад, бушевавший всю ночь, утих, едва первые лучи рассветного солнца коснулись земли.

Укрыв Я Ин в безопасном месте, учитель и ученик сменили ночные облачения и отправились обратно.

Измотанные ночными хлопотами и удрученные очередной гнусной любовной драмой, оба выбились из сил и жутко проголодались. Заметив мертвенную бледность на лице учителя, Юй Уцюэ предложил сделать привал у придорожного трактира, чтобы согреться горячей похлёбкой, а затем уже верхом вернуться в город.

Хэ Бугуй, утомленный голодом и недосыпом, едва опустился на деревянную скамью, как потер нос и звонко чихнул.

Юй Уцюэ, только что сделавший заказ, встревожился и тут же приложил ладонь к его лбу:

— Да у вас жар. Похоже, простудились.

Хэ Бугуй уклонился от его руки и пробурчал сиплым, заложенным голосом:

— Не выдумывай, я не хрустальный.

Юй Уцюэ улучил момент и снова коснулся его лба:

— Лоб так и пышет. Как вернемся, вам нужно немедленно лечь в постель, а я схожу в лавку за целебным сбором от простуды.

Хэ Бугуй обхватил ладонями пиалу с горячей водой, он полусонно прикрыл глаза:

— Пустяки, выплюсь — и всё пройдёт.

Юй Уцюэ с нежностью поглядел на него. Хэ Бугуй безучастно сидел перед дымящейся миской, обхватив её руками и глядя в одну точку. В этой сонной неподвижности он казался на удивление покладистым, что невольно вызвало у ученика улыбку.

— Поешьте хоть немного. Сами ведь велели не привлекать внимания, так что лететь на мечях нельзя, придётся тащиться на лошадях, а путь до города неблизкий. Перекусите сейчас, а дома я приготовлю вам что-нибудь по-настоящему вкусное.

Хэ Бугуй даже не прикоснулся к палочкам, уплывая куда-то мыслями:

— М-м-м.

Юй Уцюэ, шумно прихлебывая бульон, спросил:

— О чём вы думаете, шифу?

— О ключе.

— М-м? — Юй Уцюэ облизнулся и, придвинувшись ближе, заговорщически прошептал: — О том, который у меня в жи...

Хэ Бугуй сжал пальцами его перепачканные маслом губы:

— Молчи.

— М-м-м... хорошо-хорошо, не буду. Так что с ним не так?

— Боюсь, я упустил какую-то важную деталь, — задумчиво проговорил Хэ Бугуй, машинально вытирая пальцы о край одежды Юй Уцюэ, прежде чем снова обхватить теплую миску. — Что, если этот ключ нужен не только для того, чтобы отпереть ворота? Вдруг у него совсем иное назначение? Вот почему она не торопится и не побоялась раскрыть тайну всему свету, а сама тем временем нацелилась на опорные столпы.

— Колонн всего четыре. Если в одной запечатан Ло, то что сокрыто в остальных трех? Есть ли там что-то вообще?

— Барьеры Города Бессмертия древние и несокрушимые. Неужели их главная слабость таится именно в этих колоннах, а не в охранных печатях на воротах?

Рой мыслей никак не складывался в единую картину, а голова раскалывалась от жара. Хэ Бугуй устало опустил плечи:

— Какая нелепица.

Юй Уцюэ поспешил его утешить:

— Как бы то ни было, шифу уже дал обещание. Через два месяца мы отправимся на Архипелаг Разбитой Луны. Как только отыщем Божественную деву, все тайны мигом прояснятся. Не переживайте так.

Взглянув на этого безмятежного, вечно беспечного юношу, Хэ Бугуй не удержался от сердитого вздоха:

— В конце концов, это не у меня хромает владение мечом. С чего бы мне волноваться?

Юй Уцюэ понуро опустил голову:

— Обещаю тренироваться прилежнее.

Хэ Бугуй тихо фыркнул:

— У меня-то времени предостаточно. А вот у тебя его нет, да и у других тоже... Апчхи!

— Всё-всё, молчу. В следующий раз устройте мне проверку, и, если провалюсь, можете хоть палкой побить, только не сейчас, пока вы нездоровы. — Юй Уцюэ стянул с себя теплое верхнее одеяние и плотно укутал плечи учителя. — От этих разговоров вы только больше злитесь, а гнев при болезни — плохой помощник.

Хэ Бугуй попытался высвободиться из кокона:

— Убери, мне душно. Не нужно.

— Конечно душно, у вас ведь лихорадка, — Юй Уцюэ, проигнорировав гневный взгляд учителя, настойчиво завязал тесемки. — Нужно хорошенько пропотеть, тогда хворь сразу выйдет.

Сделайте еще хоть пару глотков, шифу.

Хэ Бугуй проявил редкое упрямство:

— Не буду.

"Ну уж нет, со мной эти капризы не пройдут"

Юй Уцюэ подозвал слугу, быстро расплатился и бережно, но твердо поднял упрямящегося учителя из-за стола:

— Раз не хотите — не надо. Едем обратно, сам вам сварю.

Стоило им вернуться на постоянный двор и отпереть дверь, как из соседней комнаты вихрем выкатились трое младших учеников. Под глазами у всех синели глубокие тени — очевидно, они провели без сна всю ночь, изводя себя тревожными мыслями.

У Хэ Бугуя не осталось сил на разговоры. Он лишь молча передал Лин Сяо сияющий кокон спасенной сестры.

Юй Уцюэ поспешил пояснить:

— Сестра Лань спасена, её жизни ничего не угрожает. Можешь выдохнуть, брат Сяо.

Лин Сяо раскрыл было рот, готовый рассыпаться в искренних благодарностях, но Бессмертный Тайвэй решительно переступил порог своей комнаты и с глухим стуком закрыл за собой дверь.

Юй Уцюэ поспешил сгладить неловкость и мягко подтолкнул растерянных спутников к выходу:

— В моей комнате никто не спал, устройте сестру Лань там. Брат Сяо, где твоя лекарственная сумка?

— Что стряслось с Бессмертным Тайвэем? Он не в духе?

— Вы ведь ушли на целую ночь. Что-то стряслось? Зачем тебе сумка, кто-то ранен?

Лин Сяо округлил глаза от изумления:

— Погоди, Уцюэ! Зачем ты берешь снадобье от расстройства желудка?

Юй Уцюэ глянул на флакон в своей руке и мысленно выругался — перепутал сослепу! Он снова принялся торопливо рыться в лекарственном мешке друга:

— У шифу лихорадка. Брат Сяо, дай мне пока какое-нибудь жаропонижающее, а после черкни рецепт. Я мигом слетаю в аптечную лавку.

Лин Сяо покачал головой:

— Как я составлю рецепт, не проверив пульс? Да и постой... Бессмертный Тайвэй — и вдруг слег от банальной простуды? Ты уверен, что тебе не почудилось?

— Некогда объяснять, — Юй Уцюэ выхватил нужный флакон и бросился к дверям, словно за ним черти гнались. Напоследок он бросил на притихших спутников грозный взгляд: — И ведите себя тише воды, ниже травы! Если разбудите его — пеняйте на себя!

Раздался глухой стук захлопнувшейся двери.

Младшие ученики растерянно переглянулись.

У Цинлань только покачал головой:

— Какая преданность... Прямо-таки образцовый подлиза.

Лин Сяо, оглядывая раскиданные по полу лекарственные баночки, вздохнул:

— Видимо, наставник его часто поколачивает.

Из всех присутствующих лишь Юэ Тинфан навещал больного Уцюэ в Парящем дворце, поэтому угодливые повадки друга не стали для него сюрпризом. Он аккуратно прикрыл дверь и проговорил со вздохом умудренного опытом старца:

— Эх, выросло дитяtko, теперь его в узде не удержишь...

В соседней комнате Кунчжи как раз помог Хэ Бугую переодеться в сухое платье и уложил в постель, когда на пороге бесшумной тенью возник Юй Уцюэ. На цыпочках пробравшись к ложу, он налил теплой воды, протянул лекарство и негромко скомандовал слуге:

— Тащи сюда еще парочку теплых одеял.

— Но господин говорит, что ему слишком жарко, — засомневался Кунчжи.

— Мало ли что он говорит, он же весь в бреду! — зашептал Юй Уцюэ, настойчиво подталкивая слугу к выходу. — Ему нужно как следует пропотеть, а потом принять горячую ванну — к утру будет как новенький. Да, и вели хозяину нагреть побольше воды и принести сюда.

Видя, что парень медлит, Юй Уцюэ напустил на себя грозный вид:

— Не мешкай! Твой хозяин слег, так что теперь за главного здесь я. Слушайся меня!

— Это ещё почему? — искренне удивился Кунчжи.

— Да потому, что я единственный и любимый старший ученик твоего господина!

В этих словах крылась железная логика, так что Кунчжи спорить не стал и послушно пошел выполнять наказ.

Хэ Бугуй беспокойно метался на ложе. Стоило ему в полузабытии скинуть тяжелое покрывало, как Юй Уцюэ тут же пеленал его обратно, словно младенца. Больной хмурился, упрямо сбрасывал мешающую ткань, но ученик настойчиво укутывал его вновь. Вскоре щеки Хэ Бугуя покраснели от жара, и он сквозь сон едва слышно пробормотал:

— Какое занудство...

— Как же душно...

— Не буду лапшу.

Юй Уцюэ бережно вытирал испарину с его лба. Сонный бред учителя казался ему удивительно трогательным. Догадавшись, что тот всё же голоден, он ласково спросил:

— Раз не хотите лапшу, может, сварганить вам вонтонов? Прямо как проснетесь — горячие, с сочными креветками и нежной морской капустой. М-м?

Хэ Бугуй упрямо мотнул головой:

— Нет.

— Чего же тогда желает почтенный шифу?

— Тренироваться.

Юй Уцюэ тихо усмехнулся:

— Только что ведь просили поесть, при чем тут мечи?

— Пусть... Юй Уцюэ идет тренироваться.

Юй Уцюэ растерянно замер, ощутив, как к горлу подкатил ком:

— Ученик всё понял. Я обязательно буду стараться, шифу.

— Да что он там понял... — Хэ Бугуй во сне недовольно поморщился и тихо выругался: — Бестолочь неразумная. Сам ведь даже себя защитить не в силах.

Людам обычно нужно вино, чтобы излить душу, а вот его учителю хватило обычной лихорадки.

За этими ворчливыми словами крылось неподдельное, глубокое беспокойство за его жизнь.

Юй Уцюэ укоризненно вздохнул: он и вправду был кругом виноват. Все упущенные годы праздности теперь придется отрабатывать вдвойне — и ради себя самого, и ради душевного спокойствия Хэ Бугуя, который, сам того не признавая, привязался к нему всем сердцем.

Лишь когда дыхание Хэ Бугуя наконец выровнялось и он погрузился в безмятежный сон, Юй Уцюэ смог вздохнуть с облегчением.

Сбежав в город за целебными травами, по возвращении он принялся одновременно томить лекарственный взвар и лепить вонтоны. Когда солнце поднялось высоко над горизонтом, он принес дымящийся поднос в покои учителя. Хэ Бугуй с трудом открыл глаза, осилил половину миски и сразу же уснул вновь.

В течение дня Юй Уцюэ то и дело бесшумно проскальзывал в комнату, чтобы проверить больного и сменить влажную от пота наволочку. К вечеру жар окончательно спал, и юноша решил больше не тревожить сон учителя.

Ближе к полуночи Хэ Бугуй наконец очнулся.

От долгого сна мышцы приятно затекли, лихорадочный жар ушел, уступив место долгожданной ясности мыслей. Первым делом он смыл остатки хвори, с наслаждением погрузившись в глубокую бадью с горячей водой.

Едва он закончил с омовением, Кунчжи внес поднос с ужином и чашей еще дымящегося отвара:

— Молодой господин Юй строго-настрого велел сначала накормить вас и лишь потом подавать лекарство. Если этого покажется мало, на кухне есть паровые пироги, я мигом их разогрею.

— Откуда это снадобье? — лениво поинтересовался Хэ Бугуй.

— Рецепт составил молодой господин Лин Сяо, а травы отбирал и покупал молодой господин Юй, — пояснил слуга. — Сбор подбирали специально под особенности вашего тела, он почти такой же, как тот, что вы принимали в Парящем дворце. Молодой господин Юй подошел к делу со всей душой — он в точности запомнил все советы целителей.

Хэ Бугуй сделал пробный глоток. Снадобье оказалось согреющим и мягким: трав от простуды в нем было совсем немного, зато преобладали восстанавливающие кровь компоненты, а среди них отчетливо угадывался вкус травы, укрепляющей поврежденные сухожилия.

— Все уже спят? — спросил Хэ Бугуй. — Как себя чувствует Лин Лань?

— Не беспокойтесь, хозяин. С учениками всё в порядке, они давно легли спать. Только вот свободных комнат на постоялом дворе больше не осталось. Молодой господин Юй уступил свои покои девице Лин Лань, а остальные трое юношей потеснились в одной комнате. Ему самому лечь было негде, вот он и ушел.

Хэ Бугуй нахмурился:

— Куда это его понесло в такую стужу?

Да и что за глупости — «негде спать»? Неужели так трудно было постелить циновку на полу в его просторных покоях? Как бы Хэ Бугуй ни сторонился людей, он вовсе не был бессердечным чудовищем, готовым выставить родного ученика на мороз в метель.

Он поднялся на ноги:

— Идем, найдем его.

Кунчжи кивнул на окно:

— Да он не уходил далеко. Молодой господин Юй всё это время тренируется во дворе.

Тесный внутренний дворик гостиницы едва ли подходил для тренировок. Осевший за ночь снег под ногами Юй Уцюэ давно превратился в темное грязное месиво. Обувь его насквозь промокла, но юноша, не замечая сырости и усталости, упорно повторял движения уже много часов подряд.

Боясь нарушить тишину и разбудить постояльцев, он зажал в руке простую древесную ветку. Шаг, выпад, плавный росчерк в воздухе — всё делалось бережно и бесшумно. Заметив ошибку, он терпеливо начинал заново. Снова и снова, круг за кругом. Окна постояльцев давно погасли, а он всё продолжал мерить шагами промерзший двор.

Он вел бой с собственной тенью в глухом ночном безмолвии, нарушаемом лишь его тихим, прерывистым дыханием.

— В этом движении сила должна идти от предплечья, а не от запястья.

Услышав тихий голос наставника, Юй Уцюэ вздрогнул и удивленно поднял голову, но в следующее мгновение он тепло улыбнулся:

— Шифу, вам уже лучше?

— Повтори последнее движение, — не отвечая на вопрос, велел Хэ Бугуй.

— Слушаюсь!

— Задняя нога не должна отрываться от земли.

— Понял!

— Руку держи ровнее.

— Слушаюсь!

— Еще раз.

Первая попытка обернулась ошибкой, за ней последовала вторая, третья... Лишь на седьмой раз, когда стойка, распределение силы и ток духовной энергии слились в безупречное единое целое, Хэ Бугуй удовлетворенно скрестил руки на груди:

— Довольно.

Но его следующие слова прозвучали совершенно неожиданно:

— А вонтоны твои оказались пересолены.

Юй Уцюэ, утирая пот со лба, уставился на него в полном недоумении:

— Пересолены?

Этого просто не могло быть. Он самолично снимал пробу, и вкус был идеальным — в точности таким, как предпочитал наставник.

— Неужели настолько плохо? — растерялся он.

— Не знаю, просто соли многовато, — Хэ Бугуй шире распахнул створку окна и кивнул на теплую комнату. — Не веришь — зайди да попробуй сам.

"Ах, вот оно что. Просто нашел предлог, чтобы загнать меня в тепло и уложить спать. Могли бы так и сказать, шифу"

Юй Уцюэ довольно улыбнулся, легко оттолкнулся от скользкой земли и юркой бесшумной тенью скользнул в тепло раскрытого окна.

<http://bllate.org/book/20165/2214508>